

Прожив бок о бок с маленьким волчонком, Линь Яньхун понял, что время его превращения в человека крайне нестабильно.

Иногда утром он просыпался и видел круглые глазки волчонка, но стоило ему встать и надеть верхнюю одежду, как, обернувшись, он уже видел на кровати смуглого красавца.

Иногда ночью, ложась спать, он ощущал маленькую мохнатую лапку, а под утро, в полудрёме, чувствовал, как кто-то забирается к нему в объятия, обвивая его руками и ногами.

Каждый раз он хотел напомнить себе, что перед ним наследник князя Юй, человек высокого статуса, и нужно держать дистанцию. Но, глядя на доверчивые и зависимые глаза волчонка или мальчика, Линь Яньхун думал, что это всего лишь ребёнок, и если он будет слишком отстранённым, то может ранить его чувства.

Постепенно Линь Яньхун открыл сердце, начал относиться к нему как к младшему брату и стал ещё ближе к нему.

Неизвестно, был ли это врождённый талант или результат десятилетнего влияния, но Ли Цзинчэн учил иероглифы с поразительной скоростью.

Линь Яньхун не только учил его читать, но и рассказывал простые и поучительные притчи.

Эти истории сильно отличались от буддийских сутр, которые наставник Уцзюэ рассказывал волчонку, ведь малыш не засыпал от них сразу.

Голос юноши был ясным и мелодичным, и волчонок часто заслушивался, забывая даже вилять хвостом.

Чтобы вызвать у него отклик и лучше закрепить материал, Линь Яньхун часто представлял главного героя истории как волчонка.

Ему самому было интересно рассказывать, и после каждого рассказа он чувствовал радость, а тяжесть на душе, накопившаяся из-за угрозы жизни, постепенно рассеивалась.

Когда они были вдвоём, они читали и писали в комнате, а когда оставались один на один с волчонком, то играли во дворе или слушали лекции наставника Уцзюэ.

Со временем малыш выучил всё больше иероглифов, а здоровье и настроение Линь Яньхуна улучшались.

Так прошло ещё полмесяца, жара в области Лян постепенно спадала, хотя иногда возвращалась, но в горном храме всегда царила прохлада.

И вот, наконец, с границы пришли новости: князь Юй, хотя и был тяжело ранен, похоже, пришёл в сознание.

Вместе с новостями пришло письмо от князя Юй.

Увидев письмо в руках наставника Уцзюэ, Линь Яньхун снова почувствовал тревогу.

Он знал, что его жизнь, возможно, зависела от слов, написанных на этом тонком листе бумаги.

Наставник Уцзюэ просмотрел письмо, и его лицо расслабилось, что немного успокоило Линь Яньхуна.

— Кажется, всё не так плохо...

Действительно, наставник Уцзюэ сразу же сказал:

— Князь Юй уже в порядке. Он хочет, чтобы вы остались в храме подольше, а когда он вернётся с границы, то тайно наведает гору Ушань, чтобы поговорить с вами.

Линь Яньхун понял, что наставник Уцзюэ постарался заверить князя в его порядочности, и князь пошёл на уступки. Однако он всё же не мог полностью доверять незнакомцу, поэтому, вероятно, не только проверит его личность, но и захочет увидеть его лично.

Хотя говорили о беседе, князь, вероятно, хотел также его оценить.

Но совесть Линь Яньхуна была чиста, и он не боялся этой оценки. Если это спасёт ему жизнь, то это уже удача.

Теперь, когда угроза жизни временно миновала, камень упал с души, и Линь Яньхун почувствовал облегчение, став ещё более спокойным и открытым.

В тот вечер они с Ли Цзинчэном с удовольствием написали два листа, затем умылись, и Линь Яньхун, обняв волчонка, постепенно уснул.

Когда его сознание начало отключаться, он вдруг обнаружил, что идёт один в тумане.

В последнее время он всегда спал и ел вместе с волчонком, поэтому редко заходил в пространство Сюйми-цзецзы внутри древнего нефрита. Увидев теперь этот знакомый туман, он был немного удивлён.

Вдруг он заметил тени впереди в тумане и, заинтересовавшись, подошёл ближе — неужели снова появилась таинственная кошка?

Когда туман рассеялся, перед ним оказался знакомый деревянный домик, пруд, каменный стол и стулья.

Однако кошки там не было. Вместо неё за столом сидел мужчина в серо-зелёном одеянии.

С той стороны, где стоял Линь Яньхун, был виден только его профиль и огромное существо, лежащее у его ног.

Это был взрослый серебряный волк, внушающий страх своими размерами и мощью. Даже с закрытыми глазами и спрятанными когтями он вызывал тревогу.

Мужчина, казалось, не заметил появления Линь Яньхуна. Он положил книгу на стол и погладил волка по голове.

В этот момент огромный зверь медленно открыл глаза, и его взгляд, глубокий и холодный, был похож на озёрную гладь.

Взгляд серебряного волка заставил Линь Яньхуна вздрогнуть. Он подсознательно сделал шаг назад и даже закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, то оказался в своей комнате в храме, и на улице уже было светло.

Летнее солнце было ярким, и даже через закрытое окно оно заливало комнату светом.

В этот момент он почувствовал, как что-то пушистое трётся о его руку, а маленькая лапка осторожно касается его пальцев.

Последнее время он спал с волчонком и уже привык к таким прикосновениям, поэтому не испугался. Он всё ещё был погружён в свой сон и не мог прийти в себя, поэтому, открыв глаза, остался лежать неподвижно.

Волчонок, проснувшись и увидев, что Линь Яньхун всё ещё спит, начал бегать по кровати, скучая в одиночестве.

Хотя он уже мог спрыгнуть с кровати, ему не хотелось уходить, поэтому он крутился вокруг, пока не вернулся к Линь Яньхуну и не начал играть с его рукой.

Он терся головой, трогал лапкой и даже собирался лизнуть, но, подняв голову, увидел, что Линь Яньхун уже проснулся и смотрит в потолок.

Малыш испугался, пошатнулся и сел на кровать, боясь, что его маленькие шалости обнаружены.

Он нервничал несколько минут, но Линь Яньхун всё ещё не двигался, и он не мог понять, о чём тот думает. В конце концов, он не выдержал и подошёл к подушке Линь Яньхуна, начав издавать звуки «ау-у», чтобы привлечь внимание.

Услышав голос волчонка, Линь Яньхун наконец пришёл в себя. Он повернул голову и увидел глаза волчонка, зелёные, как озеро, которые даже в тени сверкали и были кристально чисты.

Эти глаза были почти такими же, как те, что он видел во сне, но взгляды двух серебряных волков — большого и маленького — были совершенно разными.

Волк из сна был холодным, а волчонок — наивным. Линь Яньхун невольно подумал: а станет ли этот малыш таким, когда вырастет?

Линь Яньхун сел и, глядя на волчонка, который смотрел на него, не смог удержаться и погладил его по голове.

Малыш хотел вздыбить шерсть, но в то же время хотел, чтобы его погладили ещё, и от этого даже забыл вилять хвостом.

Маленькая сцена:

Хун: Неплохо было бы завести такого брата.

Автор: Что в нём хорошего?

Хун: Он милый, красивый и послушный. Спит, когда нужно, пишет, когда нужно. Воспитывать его — одно удовольствие!

Автор: Звучит неплохо, рад, что ты доволен (□□)

Хун: Что-то в твоём тоне странное. Говори, что ты задумал?

Автор: Посмотри на моё честное и серьёзное лицо. Какие тут могут быть дурные мысли? Хе-хе-хе

— — Использованные сведения — —

«Три иероглифа», «Сто фамилий» и «Тысяча иероглифов» вместе называются «Триста тысяч», или «Три деревенских школы». Это три классических текста для начального обучения.

«Три иероглифа» были написаны в эпоху Сун, хотя точное время и авторство до сих пор обсуждаются. Большинство учёных считают, что их написал конфуцианский учёный Ван Бохау.

«Сто фамилий» были составлены в начале династии Северная Сун, изначально включая 411 фамилий, позже расширенные до 504, из которых 444 — простые фамилии, а 60 — сложные.

«Тысяча иероглифов» были составлены Чжоу Синсы, чиновником династии Лян в эпоху Южных и Северных династий.

Автор хочет сказать: Спасибо Мэнмэн Чжу Ю за подаренный «гром» поддержки! (*J 3L)

<http://bllate.org/book/17693/1651323>